

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ БИБЛИОГРАФИИ КАК ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Т.А. Новоженова

Обоснована синергетическая концепция библиографии как условие создания общепублиографической теории и выхода из лабиринта теоретических концепций

Ключевые слова: *методология, синергетика, общая теория библиографии, библиографические концепции*

SYNERGESTIC THEORY OF BIBLIOGRAPHY IS AN ESCAPE OF MAZE OF BIBLIOGRAPHIC CONCEPTS.

Synergistic bibliographic concept was formed as a condition for creating general theory of bibliography and escape of maze of theoretical concepts

Keywords: *metodologiya, synergetics, general theory of bibliography, bibliographic concept*

Проблема формирования общей теории библиографии является актуальной, между тем не будучи абсолютно новой. Многие ученые в разное время говорили о важности её создания, связывая ее, в том числе, с наличием множества библиографических концепций. Не единожды библиографоведы подсчитывали их, анализировали, рецензировали, оценивали, критиковали и, как следствие, строили собственные теоретические конструкции.

Отмечая факт многочисленности концепций, ученые ассоциировали его с кризисом библиографии и науки о ней, непосредственно о “хаосе” библиографических концепций упоминали О.М. Зусьман, М.А. Тарасов и О.П. Коршунов [2, 317; 4, 40; 19, 21]. Поэтому можно понять известного информатика-библиографоведа А.В. Соколова, расценившего множество концепций в качестве их лабиринта, и его попытку найти выход из этого лабиринта концепций.

Данной проблеме посвящена его статья, в которой сформулированы три цели:

- 1) изучить генезис концептуального лабиринта;
- 2) систематизировать концепции, чтобы иметь представление о его конфигурации;
- 3) найти нить Ариадны, которая поможет из него выйти [17, 20].

Итак, проследив генезис концептуального лабиринта с XVIII в. и проанализировав развивающиеся с того времени библиографические концепции, А.В. Соколов делает общий

вывод: практически все они представляют собой либо миф, либо утопию. Научную революцию, произошедшую в отечественном библиографоведении, он связывает с серединой 70-х гг. прошлого века, когда произошли поворот от явления к сущности и переход на объективные законы и закономерности, объясняющие библиографию на новой теоретико-методологической основе, центром которой стал информационный подход [18, 9]. С его позиций исследователь анализирует книговедческо-информационную концепцию А.И. Барсука и информационно-управленческую А.А. Гречихина, определив их как, соответственно, книговедческую и кибернетическую. Отметив заслуги обоих авторов, не отказав концепциям в их месте в лабиринте, А.В. Соколов вынес решение: и та, и другая были научно-революционными новациями скорее по форме, чем по содержанию, поскольку первая – это информационно-декорированная книговедческая схема, а вторая похожа на подданную в кибернетическом камуфляже социально-педагогическую утопию [18, 10].

Подлинным научно-революционным потенциалом, по его мнению, обладала концепция О.П. Коршунова, которая и положила начало научной теории библиографии. Руководствуясь тем, что теоретический статус приобретает только та концепция, которая в рамках принятого методологического подхода конструктивно отвечает на вопросы: 1) какова метасистема библиографии; 2) какое место она в ней занимает; 3) в чем состоит критерий отграничения библиографических явлений от неблиографических и др., А.В. Соколов утверждает, что только документально-информационно-коммуникационная концепция начала общей теории библиографии «более-менее» внятно отвечает на поставленные вопросы и приближается к облику общебиблиографической теории. В заслугу ее автора А.В. Соколов поставил самостоятельно выработанное О.П. Коршуновым методологическое кредо: теоретически воспроизвести библиографию в целом можно только на основе системно-деятельностного подхода способом диалектического восхождения от абстрактного к конкретному, а также осмысленное использование информационного методологического подхода, который явился для него не модной декорацией, а конструктивным рабочим инструментарием. Он приветствует и определение О.П. Коршуновым библиографической информации, видя в нем глубокий смысл, выражающийся, прежде всего, в собирательном понятии БИ относительно ко всем формам ее существования. Но подлинно революционной новацией в концепции А.В. Соколов считает представление БИ в качестве исходно-сущностной категории теории библиографии, краеугольного камня теоретической конструкции, т.е. в качестве закона, раскрывающего сущность библиографии. Заканчивая анализ данной концепции, исследователь заключает: «...идеи О.П. Коршунова сохраняют актуальность и востребованность в наши дни как в науке, так и в образовании [18, 11-12]».

Подтвердив свое позитивное отношение к документографической концепции в совместной с В.А. Фокеевым книге [15, 95, 113-115], А.В. Соколов решительно не согласился с высказыванием соавтора, которому лично (подч. – Т.Н.) теоретические положения О.П. Коршунова никогда не казались достаточно надежными. По словам В.А. Фокеева, в настоящее время они удивительно бедны и малосодержательны, интерес к ним значительно угас, что подтверждает уменьшение количества ссылок на работы этого ученого [15, 97].

Противопоставив данному высказыванию убеждение, что теоретические взгляды О.П. Коршунова могут быть положены в основу базовой библиографоведческой концепции, А.В. Соколов квалифицирует своего соавтора как наиболее энергичного критика документографической теории [15, 96-97]. И действительно, критика сопровождала концепцию весь период её существования, пройдя с момента её создания несколько этапов, вовлекая в свое поле многих исследователей. В данной связи было бы интересно разобраться в причинах этой критики. Некоторые исследователи пытались классифицировать претензии, предъявляемые к документографической концепции. В частности, в совместной книге А.В. Соколов отмечает упреки в схоластическом теоретизировании, в подмене объекта библиографии, отрыв от библиографической практики, обвинения идеологического характера и др. [15, 96]. Этот перечень можно продолжать, поскольку критике подвергались практически все основные пункты и положения документографической теории.

Мы также задумывались над причинами такого стойкого неприятия концепции О.П. Коршунова, в результате чего пришли к выводам: не все еще представители библиографической науки были склонны к признанию важности и необходимости в теории стиля абстрактного мышления. Вторую причину можно объяснить ревностным протестом против, как, например, пишет В.А. Фокеев, диктата информационно-документографической концепции и засилья единомыслия в науке [15, 96-97]. В результате этого в целях самоутверждения разбиваются уже признанные, зарекомендовавшие себя теории, и на этих “обломках” строятся собственные “оригинальные” концепции. Но ведь если бы были “диктат” и “засилье”, то вряд ли бы появились иные, тем более альтернативные построения, и тогда не возникли бы основания для пресловутого лабиринта концепций.

Существуют и прецеденты оценки самой критики с точки зрения ее справедливости, в частности, этому посвящена не одна наша работа [6; 7; 8, 155-194]. Прделанный в них анализ документографической концепции с позиций традиционной теории отражения, универсальность и методологичность которой не могут вызывать сомнений, а также более новой теории самоорганизации (синергетики) позволил убедиться в правильности определения в концепции всех её основных положений – исходного пункта, метасистемы,

объекта, сущности библиографии, заключающейся в ее ядре – БИ, в сущности самой библиографической информации, состоящей в ее вторичности относительно документа. Подтвердились и другие основополагающие принципы концепции: БИ как выразитель специфики библиографии, критерий её отделения от иных явлений, двойственность БИ, обеспечивающая сложную структуру системы библиографии, её вспомогательность и т.д. Как пишет А.В. Соколов, выводы нашего исследования не новы и всякая тривиальная идея может быть сформулирована наисложнейшим образом, а фундаментальные истины всегда просты и понятны [17, 20; 18, 15]. Мы безоговорочно согласны, что положения теории О.П. Коршунова истинны и фундаментальны, а посему должны быть понятны, поскольку просты, но тогда зачем нужно было подвергать их критике? Своим анализом мы постарались показать, что почвы для этого не существовало. И если бы не этот многолетний критический разгул, то и не было бы того же лабиринта концепций.

Отметив трудность ориентирования в хитросплетениях концепций, А.В. Соколов на роль “чичероне” библиографоведческого лабиринта рекомендовал бы В.А. Фокеева как эрудированного, компетентного, неустанного генератора идей, создателя не одной, а нескольких оригинальных концепций [18, 13]. Между тем, относительно концепций В.А. Фокеева возникает вопрос: насколько компетентно и оригинально его генерированные идеи раскрывают теорию библиографии? Так, в первой из них, когнитографической (знаниевой), А.В. Соколов выделил следующие её положения: 1) метасистема библиографии – культура; 2) сущность библиографии не БИ а библиографическое знание; 3) библиографическая информация – движущееся ... библиографическое знание, без которого она не может существовать, превращается в пустую знаковую форму [18, 13].

Мы также с позиций теорий отражения и самоорганизации анализировали когнитографическую конструкцию, в результате чего, например, установили, что метасистемой библиографии сам В.А. Фокеев считает не культуру, а “мир текстов – мир потребностей в них” или взятую в элементарном отношении систему “фиксированный текст – человек [21, 87-88]”. Но если тексты фиксированные, то это документы, а человек, испытывающий потребность в их мире, является потребителем. Таким образом, налицо тождество данного положения соответствующему пункту теории О.П. Коршунова, правда, выраженного другими категориями и понятиями, очевидно ради оригинальности. Идентично и в случае трактовки БИ не как сущности библиографии, а одного из состояний движущегося библиографического знания. В философии доказано и принято в библиографоведении, что движущееся знание и есть информация, а знание без движения, т.е. информации, также не существует в силу своей недоступности обществу. Следовательно, и в этом пункте концепции В.А. Фокеева произошла подмена понятий. Весьма наглядно тождество её

положений теории О.П. Коршунова прослеживается на уровне объекта библиографии – это знание (квант знания), заключенное в тексте или текст [21, 97]. В совместной книге сам В.А. Фокеев подтверждает, что квант знания как объект библиографии должен быть документированным, закрепленным, фиксированным на определенном носителе (источнике знания), т.е. документом все же являющимся [15, 33]. Данная фраза говорит сама за себя, что делает комментарии излишними.

Таким образом, становится видным: В.А. Фокеев интерпретировал основы теории О.П. Коршунова, при этом, мудрствуя лукаво, поскольку завуалировал их иными понятиями и категориями, уводящими от истинной, информационной природы библиографии. Вот уж действительно, кстати слова В.А. Соколова, что всякая тривиальная идея может быть сформулирована наисложнейшим образом [17, 20].

Еще более усложнил понимание библиографии В.А. Фокеев в другой, ноосферно-культурологической концепции, в которой метасистемой библиографии определяется не “мир текстов – мир потребностей”, не даже культура, а сама ноосфера. Библиография выполняет в ней функцию не информационную и не какую-либо другую, а отвечает за организацию формирования ноосферы, интеллектуального жизнеобеспечения общества. Библиографическое знание по-прежнему остается в концепции сущностью библиографии, а её общая функция заключается в реализации интеллектуального доступа к источникам знания на идеальном уровне их моделей, образов. Соответственно этому формулируется определение библиографии: это социокультурный комплекс, включающий библиографическое знание (информацию), библиографический социальный институт и библиографическую деятельность, имеющий своей целью реализацию интеллектуального доступа к фиксированным текстам – источникам знания (информации), формирование информационной (книжной) культуры. Или в другом варианте: библиография – компонент социокультурного комплекса документированного знания, коммуникации и ценностной ориентации в информационных потоках и массивах, реализующий интеллектуальный доступ к ноосфере, фиксированным источникам информации (текстам, документам, книгам и проч.) на уровне их идеальных моделей (образов), отвечающий за формирование и развитие информационной (книжной, библиографической культуры) [15, 19, 26; 18, 13].

Думается, в настоящей статье нет необходимости давать оценку основных положений ноосферной концепции, поскольку их критика, логичная и аргументированная, дана в новом учебнике по библиографоведению О.П. Коршуновым [3, 25-31]. Кстати, сам А.В. Соколов, как представитель более реалистичного взгляда на библиографию, в части ноосферы скептически отмечает отсутствие во всех ее сценариях упоминаний о книге, книжной культуре, в том числе о библиографии, в связи с чем, не без оснований полагает неуместным объявлять

ноосферу метасистемой библиографии [18, 14]. К сказанному можно добавить: коль скоро когнитографическая концепция уводит от истинного понимания сущности библиографии, то её ноосферная интерпретация вообще переводит его в заоблачные выси. И если учесть, что представители науки еще смогут разобраться в “хитросплетениях” обеих концепций, то каково будет студентам, даже не “ленивым троечникам”, не только понять, но и запомнить попавшие в учебные и справочные издания авторства В.А. Фокеева различные вариации ноосферного определения библиографии.

Разбираясь далее в лабиринте концепций, А.В. Соколов останавливается на семиотической и синергетической. Отметив, по возможности, положительное, главным образом, в первой из них, он делает общий вывод о нескромности авторов по поводу их притязаний на теоретическое воспроизведение библиографии. Больше всего в плане критики досталось синергетической концепции, что, естественно, не осталось без нашего внимания.

Суть критики в статье А.В. Соколова сводится к тому, что обоснование синергетикой исходного пункта библиографии, БИ как центрального её элемента, выражающего сущность и основную функцию библиографии, двойственности библиографической информации, её посреднической роли в системе документальных коммуникаций, статуса как критерия отделения библиографических явлений от неблиографических, свойства свертывания своего объекта на основе принципа экономии, вспомогательности, вторичности и т.п. является, как уже говорилось, не новым; механическое использование синергетического клише “обмен веществом, энергией и информацией” при неясности, какими веществом и энергией библиография обменивается со своей метасистемой, достаточно и одного обмена информацией. При этом, по словам А.В. Соколова, Т.А. Новоженова однозначно считает, что библиография обменивается со своей средой именно библиографической информацией. Высказывались и другие замечания, на которых мы также остановимся. В итоге, отметив, что данная конструкция только первый шаг к освоению сложного и абстрактного аппарата синергетического мышления, А.В. Соколов полагает преждевременным заявлять о синергетической концепции библиографии [18, 15-16].

Более категоричное отношение к концепции высказано в совместной книге А.В. Соколова и В.А. Фокеева [15]. Так, к своей оценке А.В. Соколов добавил, что переодевание библиографических явлений в синергетические одежды не есть познание сущности библиографии, т.е. ранее неизвестных закономерностей и законов, и пока “библиосинергетика” оперирует заимствованной терминологией, а не библиографическими сущностями, он не аплодирует этому занятию. По резолюции же В.А. Фокеева, синергетика ничего не обосновывает в библиографии и по настоящему синергетической концепции нет, есть только попытка связать с синергетическим подходом теорию О.П. Коршунова [15, 176].

Нам уже приходилось выслушивать вопрос: что нового в понимании библиографии внесла синергетика? Да ничего, кроме того, что это наиболее новая теория, обладающая своим понятийным аппаратом, в рамках которого возможно объяснение библиографии. А.В. Соколов правильно заметил, что мы не намеревались “углубляться в синергетические дебри [18, 16]”, и, добавим, не “заявляли” специально о синергетической концепции, создание которой не являлось главной целью нашего исследования. Эта цель заключалась в научной апробации библиографических концепций с позиций метатеорий, которые сами должны своим собственным языком объяснять происхождение, сущность и т.п. библиографии [9, 92]. Соответственно этому и “нескромность” наших “притязаний” на теоретическое воспроизведение продиктована именно стремлением показать, что синергетическое видение библиографии позволяет считать его метатеорией иных библиографических концепций. В этом смысле синергетический подход также явился для нас конструктивным рабочим инструментом и вовсе не модной декорацией.

Что же касается главной цели, то, как пишет А.В. Соколов, “допустим, ей (т.е. нам – Т.Н.) удалось достичь эту цель [18, 16]”, но тогда, несмотря на оговорку, должно быть понятно, чего стоит каждая из апробированных нами концепций. И факт совпадения пунктов синергетического объяснения библиографии с соответствующими пунктами документографической концепции, только подтверждает научную верность теории О.П. Коршунова, что не означает ни тривиальности выводов синергетической концепции, ни попытки, как угодно считать В.А. Фокееву, связать её с документографической концепцией.

В свете данного разъяснения не имеют смысла заявления о преждевременности синергетического освоения библиографии, тем более что ученые до нас (О.М. Зусьман, М.Г. Вохрышева, А.В. Куманова) ставили вопрос о целесообразности изучения библиографии с позиций синергетики. То же самое относится к фразам о переодевании библиографических явлений в синергетические одежды, оперировании заимствованной терминологией как не познания сущности библиографии и ранее неизвестных её законов, поскольку сущность у библиографии одна и закономерности одни и те же. И если в каждой новой концепции придумывать новые сущности и законы, то тогда теория библиографии точно погрязнет в своем лабиринте концепций.

По поводу механического использования клише “обмен веществом, энергией и информацией” – это действительно общая формула, которой оперирует синергетика. Верно и то, что в социальных системах, в том числе в библиографии, осуществляется обмен информацией. Так, из метасистемы документальных коммуникаций в сферу библиографии возвращается документ или документально-фиксированная информация (вещество), преобразуется способом свертывания, т.е. производится действие, работа (энергия) и в

метасистему поступает уже другая, библиографическая информация. Таким образом, мы не усматриваем ничего неясного в элементарности данного процесса. Здесь кстати отметить некорректность высказывания А.В. Соколова, будто автор концепции однозначно считает, что обмен происходит только на уровне библиографической информации. Просмотрев лишней раз ссылаемые им наши работы [8; 11], мы не нашли ни в одной из них даже намек на подобное утверждение. Точно так же в них нигде не говорилось, что библиография, поставляя в свою метасистему БИ, повышает хаотичность метасистемы, на основании чего А.В. Соколов решил, что в концепции не сходятся концы с концами [18, 16]. Другое дело, что в самой библиографии как системе по мере дальнейшего накопления библиографической информации возникает “хаос” на уровне её источников и упорядочивается он, согласно принципу синергетики – нелинейности развития открытых сложных систем, библиографией библиографии [8, 114; 11, 211].

Что касается не сведения концов с концами в синергетической концепции, то мы, как и А.В. Соколов, весьма прилежно изучаем специальную литературу, тем более используемые нами источники. В полной мере это относится к работам по синергетике, прежде всего И.Р. Пригожина, Е.А. Седова и Г. Хакена. Руководствуясь тем, что в науке порой необходимо доказывать не только “Б”, но и “А”, мы добросовестно аргументируем каждое наше положение. Соответственно этому логичность, корректность и обоснованность синергетической концепции не вызывает у нас сомнений. Существуют и другие доказательства, подтверждающие нашу уверенность. Так, обратимся снова к словам В.А. Фокеева, что синергетика ничего в библиографии не обосновывает и вообще синергетической концепции не существует, между тем не более как два года назад её положения казались ему привлекательными. Иначе он бы не позаимствовал их из нашей монографии для своей статьи “Потенциал библиосинергетики” [10; 20]. Подтверждает и непоследовательность нынешнего отношения А.В. Соколова к синергетической концепции, поскольку в своей рецензии на новый учебник О.П. Коршунова он признавал, что его пленили свежестью и содержательностью разделы, написанные Т.Ф. Лиховид и... Т.А. Новоженовой [16, 68].

В статье и совместной книге А.В. Соколов отмечал, что теоретики библиографии, применяя различные подходы, акцентируют уникальность, неповторимость и оригинальность своих собственных конструкций и вовсе не стремятся к преемственности и взаимопониманию [15, 6; 17, 19]. Это было замечено еще более десяти лет назад [1, 37], и с тех пор, как видно, мало что изменилось. В данной связи нет целесообразности предлагать частное лицо в роли “чичероне” по концепциям, поэтому мы согласны с А.В. Соколовым, что выход из лабиринта должна указать собирательная концепция библиографии [18, 16]. В

целях её построения исследователь предлагает принять за основу одну из известных концепций, очистить её от излишних наслоений и дополнить конструктивными положениями, разработанными в остальных концепциях. Полагая, что выбор наилучшей концепции – акт субъективный, А.В. Соколов за основу принял документально-информационно-коммуникационную, и попытался, как он пишет, продолжить те начала общей теории библиографии, заложенные в ней О.П. Коршуновым [18].

Отталкиваясь от своей идеи, что информация не существует в объективном мире, а является продуктом информационного подхода, А.В. Соколов считает, что в контексте этого подхода все библиографические записи, пособия, массивы и прочие документы превращаются в библиографическую информацию. Исходя из разграничения О.П. Коршуновым двух ипостасей библиографической информации на онтологическую (материальную, практическую) и гносеологическую (исходно-сущностную категорию в идеальном мире библиографической науки), он полагает, что первая ипостась БИ несет знание о документе, т.е. библиографическое знание, в связи с чем, предлагает преобразовать концепцию О.П. Коршунова в документально-смысло-коммуникационную. Что касается второй ипостаси, то А.В. Соколов под сомнение ставит актуальность теоретических построений в свете информационного подхода, поскольку, как утверждает, О.П. Коршунов исчерпал его возможности в области теории библиографии [18, 17].

Не исследуя специально вопрос – существует ли на самом деле информация, мы не беремся оценивать данное положение, думается, что это сделано в рецензии Т.Ф. Лиховид на совместную книгу А.В. Соколова и В.А. Фокеева [5]. Но что касается преобразования теории О.П. Коршунова, то в этом явно проступает стремление дополнить её положениями когнитивной концепции. Выше уже говорилось о сомнительности перевода сущности библиографии в область знания, поэтому данное “преобразование” не представляется нам конструктивным. По поводу неактуальности применения информационного подхода в теории библиографии напомним лишь, что в своей статье А.В. Соколов подчеркивал: представление БИ в качестве исходно-сущностной категории теории библиографоведения, иначе, в качестве закона, раскрывающего сущность библиографии, является подлинно революционной новацией [18, 12].

Обосновывая статус библиографии как инфраструктуры, обслуживающей все отрасли системы документальных коммуникаций, А.В. Соколов утверждает: только поисковая функция из всей функциональной триады О.П. Коршунова представляет собой специфическую, сущностную библиографическую функцию, что и следует считать критерием отграничения библиографии [18, 18]. Но коль скоро, как пишет А.В. Соколов, только библиографической инфраструктуре присущ поиск в массивах вторичных

источников, то, прежде всего этот массив нужно создать, чтобы обеспечить в нем поиск. И поскольку обобщенным выражением этих массивов является библиографическая информация, что не отрицается самим А.В. Соколовым [18, 12], то она и выступает первичной относительно процесса поиска.

Следуя “новому” критерию отделения библиографии от всего, что не библиография, исследователь определяет её как поисковую инфраструктуру системы документальных коммуникаций, в которой она выступает социальным институтом на положении вторично-документальной подсистемы, обеспечивающей создание (заметьте – это на первом месте – Т.Н.), хранение, обработку и распространение библиографического знания, положив в основу своей формулировки не информационный, а коммуникационный подход к библиографии [18, 18]. В данной связи возникает сомнение в целесообразности всего этого обоснования, поскольку концепция О.П. Коршунова и так документально-информационно-коммуникационная.

Правда, дополнив документографическую теорию единичными когнитографическими и социологическими элементами, А.В. Соколов сам признается, что предложенная им дефиниция базируется на исходных позициях документографической концепции [18]. В таком случае была ли необходимость ее “уточнять” и дополнять не оправдывающими себя позициями? В данной связи представляется напрасным опасение А.В. Соколова, что читатели могут впечатлиться еще одной, “коммуникационной” концепцией, собирательной по замыслу, поскольку собирательность в ней в полном смысле явно отсутствует. Она построена путем ревизии документографической теории собственными, личными рассуждениями автора с добавлением некоторых постулатов, взятых только из двух существующих концепций.

В своем исследовании мы также подошли к идее синтеза теоретических представлений о библиографии как условия создания общей библиографической теории и пути выхода из лабиринта концепций [8, 270-274; 12]. С нашей точки зрения, собирательная (синтетическая) концепция должна учитывать все возможные достижения всех имеющихся теоретических конструкций и строиться на иных принципах. Такими принципами являются, во-первых: выбор одной концепции в роли основы их синтеза, соответственно чему необходимо осуществить метатеоретический анализ всех существующих концепций. Данный анализ позволит выявить не просто одно из известных и наилучших описаний библиографии, но научно обосновать методологически верную теоретическую конструкцию. По результатам нашего анализа, такой конструкцией объективно оказалась документографическая концепция. Таким образом, в отличие от А.В. Соколова, мы объективно ее “выбрали” в качестве фундамента общей теории библиографии.

Вторым принципиальным положением мы считаем выбор методологического подхода в роли метатеории научной апробации или, по словам А.В. Соколова, главного познавательного инструмента, от которого, как он отмечает, зависит научная ценность концепций [15, 161; 17, 20]. Возможно, это тоже акт субъективный, но субъективно можно выбрать объективную метатеорию. И вот здесь, по нашему убеждению, еще скажет свое веское слово синергетика. Прежде всего, это подход, и подход методологический, что не отрицают ни А.В. Соколов, ни В.А. Фокеев, правда, не имея общего мнения, к какому уровню методологии – общенаучному или частнонаучному он относится [15, 162; 17, 20; 18, 17]. Между тем вопрос этот важный, поскольку от места синергетики в методологии зависит её метатеоретическое значение.

Нужно сказать, что проблема статуса синергетики ещё не решена самими представителями этой науки, тем не менее, при прилежном чтении их работ мы не встречали утверждения о том, что она является частнонаучным методом. Напротив, большинство участников синергетического сообщества, отмечая междисциплинарный (трансдисциплинарный) характер синергетики, считают её общенаучной методологией, основой нового мировоззрения, ядром создания научной картины мира, философским основанием и общей методологией развития науки, универсальным эволюционизмом и, наконец, универсальным инструментом научных исследований [14]. Более того, факт признания данного статуса синергетики большинством ученых в этой области придает ей черты современной парадигмы науковедения. Таким образом, сказанного достаточно, чтобы расценивать данную теорию в качестве универсального методологического подхода высшего, философского уровня. Подтверждение этому находим также в истоках синергетики – это общая теория систем, общая теория информации, философия (диалектика), физика (термиодинамика), математика, выступающая одной из абстрактных наук. Между тем, по словам И.Р. Пригожина, “развитие научных теорий сопряжено с восхождением на всё более высокие ступени абстракции [13, 62]”.

В свете этого не представляется верным высказывание А.В. Соколова, что синергетика претендует (подч. – Т.Н.) на роль мировоззренческого ориентира, поскольку она таковым и является. Некорректна и приведенная им цитата из работы Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова как “популяризаторов” общей теории самоорганизации: “...она (т.е. синергетика – Т.Н.) распространяется в виде некой ментальной инфекции. Заразившись синергетикой, почувствовав конструктивность и эвристичность синергетического образа мышления, становится трудно излечиться от этой синергетической болезни [15, 48]”. Но коль скоро синергетика конструктивна и эвристична, то почему бы не “заразиться” ею. Что касается “популяризаторов» синергетики, то член-корреспондент Российской Академии наук

С.П. Курдюмов являлся одним из основателей отечественной научной синергетической школы и его имя ставилось в один ряд с И.Р. Пригожиным. Е.Н. Князева, будучи ученицей С.П. Курдюмова и имеющая собственных учеников, несколько лет работала в Центре синергетики Германа Хакена в Штутгартском университете [14, 7, 27].

Приведенных аргументов достаточно, чтобы считать синергетику универсальной научной теорией, находящейся на высшем уровне методологии. В данной связи она является общеметодологическим подходом к анализу различных явлений действительности. Факт объяснения с её позиций библиографии позволяет рассматривать синергетическую концепцию в качестве общетеоретической модели библиографии, следовательно, в роли метатеории научной апробации библиографических концепций. В результате такого анализа выявляются методологически верно обоснованная концепция, достижения других конструкций, не противоречащие положениям основной теории, что предусматривает создание синтетической (собирательной) концепции библиографии по принципу дополтельности. Таким образом, синергетика обладает всеми возможностями для того, чтобы библиографоведческая мысль, по словам В.А. Соколова, не заблудилась в “замысловатом” лабиринте концепций [17, 20].

Заканчивая статью, приведем его же справедливое мнение о необходимости сотрудничества и взаимопонимания как условия создания общей, интегрированной, единой и современной теории библиографии [15, 6]. От себя лишь добавим: пока в теоретическом библиографоведении бытует субъективизм во всех его проявлениях, наблюдается мудрствование на правах лукавого, на словах провозглашаются, а на деле принижаются и вовсе игнорируются метатеоретические и суперсистемные обобщения, оцениваются свои и чужие концепции не на основе объективных методологических принципов, а по своим понятиям, выдергиваются и передергиваются отдельные фразы как объект критики других теоретических конструкций и т.п., оно никогда не достигнет сотрудничества и взаимопонимания, а равно не будет иметь общей теории библиографии и не найдет выхода из лабиринта теоретических концепций.

Использованная литература

1. В центре внимания – методология // Библиография. – 1998. – №3. – С. 34-51.
2. Зусьман О.М. Развитие библиографии в контексте синергетического подхода / О.М. Зусьман // Человек в мире искусства: информационные аспекты : Междунар. науч. конф., Краснодар – Новороссийск, 7-10 сент. 1994 г. : тез. докл. Ч. II. – Краснодар, 1994. – С. 316-318.
3. Коршунов О.П. Библиографоведение. Основы теории и методологии : учебник для библиоинформационных факультетов вузов / О.П. Коршунов, Т.Ф. Лиховид, Т.А. Новоженова ; под ред. О.П. Коршунова. – М., ФАИР. – 2009. – 336 с.
4. Коршунов О.П. Как создать общую теорию библиографии / О.П. Коршунов // Библиография. – 2000. – №3. – С. 37-41.
5. Лиховид Т.Ф. “Материальное” и “идеальное” в библиографоведении / Т.Ф. Лиховид // Науч. и техн. библиотеки. – 2011. – №1.

6. Новоженова Т.А. Библиографические концепции и их критика / Т.А. Новоженова // Библиография. – 2006. – №3. – С.42-57.
7. Новоженова Т.А. Документографическая концепция библиографии: метатеоретический подход / Т.А. Новоженова // Коршунов Олег Павлович : библиогр. указ. (к 80-летию со дня рождения). – М., 2006. – с.48-77.
8. Новоженова Т.А. Методологические основания общей теории библиографии : монография / Т.А. Новоженова. – Краснодар, 2003. – 308 с.
9. Новоженова Т.А. Синергетика как методология библиографоведения / Т.А. Новоженова // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. статей. – М. : ФАИР – ПРЕСС, 2006. – с. 80-109.
10. Новоженова Т.А. Синергетика как фундамент развития наук об информации / Т.А. Новоженова // Мир библиографии. – 2009. – №3. – С. 26-33.
11. Новоженова Т.А. Синергетическая концепция библиографии / Т.А. Новоженова // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. статей. – М. : ФАИР – ПРЕСС, 2006. – с. 199-215.
12. Новоженова Т.А. Синтез теоретических представлений о сущности библиографической информации / Т.А. Новоженова // Интеграция науки и образования : материалы междунар. науч. конф., Краснодар, 4-7 сент. 2008. – Краснодар, 2008. – С. 230-235.
13. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
14. Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы “круглого стола”) // Вопр. философии. – 2006. – № 9. – С. 3-33.
15. Соколов А.В. Библиографоведение: Terra incognita: диалог о библиографической науке / А.В. Соколов, В.А. Фокеев. – М., 2010. – 206 с.
16. Соколов А.В. Незыблемость фундамента и модернизация фасада /А.В. Соколов // Науч. и техн. библиотеки. – 2009. – №4. – С. 64-75.
17. Соколов А.В. Теория библиографии в лабиринте концепций. Ст. 1 / А.В. Соколов // Мир библиографии. – 2009. – №3. – С. 19-25.
18. Соколов А.В. Теория библиографии в лабиринте концепций. Ст. 2 / А.В. Соколов // Мир библиографии. – 2009. – №4. – С. 9-20.
19. Тарасов М.А. С методологическим посохом по коршуновским, соколовским и иным местам / М.А. Тарасов // Библиография. – 1997. – №2. – С. 20-32.
20. Фокеев В.А. Потенциал библиосинергетики / В.А. Фокеев // Мир библиографии. – 2008. – №1. – С. 13-21.
21. Фокеев В.А. Природа библиографического знания : монография / В.А. Фокеев. – М., 1995. – 352 с.